

On the need for legislative regulation of the procedural legal personality of participants in criminal proceedings

E. E. Yazeva¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/2306-5648-2024-3-288-297

Research article
Full text in Russian

The article deals with the problem of the lack of norms in the law on the regulation of criminal procedural legal personality (legal capacity) of participants in legal proceedings. The gap currently available does not allow for a uniform solution of many practical issues related to the possibility of independent implementation by the subjects of the process – mainly minors – of the rights and obligations granted to them by law. After studying the provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, it was concluded that the individual acquired full procedural capacity upon reaching adulthood. The paper substantiates the need to introduce a definition of procedural legal capacity into the law, differentiation in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of the scope of legal capacity of participants of different ages (full, partial), as well as determining the list of rights that a partially capable participant can exercise independently, and which with the help (or with the consent) of a legal representative. The study used foreign legislation regulating criminal proceedings and the Model Code of Criminal Procedure for the member States of the Commonwealth of Independent States.

Keywords: criminal proceedings; procedural legal personality; procedural capacity; minor participants; accused; suspect; victim; witness; legal representative; translator

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yazeva, Ekaterina E. | E-mail: e.yazeva@uniyar.ac.ru
Cand. Sc. (Jurisprudence)

For citation: Yazeva E. E. On the need for legislative regulation of the procedural legal personality of participants in criminal proceedings // Demidov Law Journal. 2024. Vol. 14, No. 3. P. 288-297. (in Russ.)

О необходимости законодательной регламентации процессуальной правосубъектности участников уголовного судопроизводства

Е. Е. Язева¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2306-5648-2024-3-288-297

Научная статья

УДК 343.1

Полный текст на русском языке

В статье рассматривается проблема отсутствия в законе норм, посвященных регламентации уголовно-процессуальной правосубъектности (дееспособности) участников судопроизводства. Имеющийся в настоящее время пробел не позволяет единообразно решать множество практических вопросов, связанных с возможностью самостоятельной реализации субъектами процесса – главным образом несовершеннолетними – предоставленных им законом прав и обязанностей. После изучения положений Уголовно-процессуального кодекса РФ был сделан вывод о приобретении индивидом процессуальной дееспособности в полном объеме по достижении совершеннолетия. В работе обоснована необходимость внесения в закон дефиниции процессуальной дееспособности, дифференциации в УПК РФ объема дееспособности участников разного возраста (полная, частичная), а также определение перечня прав, которые частично дееспособный участник может реализовывать самостоятельно, а какие – с помощью (или с согласия) законного представителя. В ходе исследования использовалось зарубежное законодательство, регламентирующее производство по уголовным делам, и Модельный уголовно-процессуальный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств.

Ключевые слова: уголовный процесс; процессуальная правосубъектность; процессуальная дееспособность; несовершеннолетние участники; обвиняемый; подозреваемый; потерпевший; свидетель; законный представитель; переводчик

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Язева, Екатерина Евгеньевна

E-mail: e.yazeva@uniyar.ac.ru

Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного
процесса и криминалистики

Для цитирования: Язева Е. Е. О необходимости законодательной регламентации процессуальной правосубъектности участников уголовного судопроизводства // Демидовский юридический журнал. 2024. Том 14, № 3. С. 288-297.

Уголовно-процессуальная деятельность государственных органов и их должностных лиц по возбуждению, расследованию, рассмотрению и разрешению уголовных дел невозможно представить без вовлекаемых в нее участников: подозреваемых и обвиняемых, потерпевших, свидетелей, защитников, экспертов, специалистов, понятых и др. Следователь, дознаватель, прокурор, суд вступают

© ЯРГУ, 2024

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

с перечисленными лицами в правоотношения, а это значит, что у каждой стороны правоотношения возникают субъективные права и обязанности.

Каждый участник уголовно-процессуальных отношений обладает определенным правовым статусом, который, по мнению Л. Г. Татьяниной, включает в себя «процессуальную правосубъектность, субъективные права, личные свободы, субъективные обязанности, законные интересы» [1, с. 126]. В Уголовно-процессуальном кодексе РФ (далее по тексту – УПК РФ)¹ весьма обстоятельно перечислены права каждого субъекта, в некоторых случаях четко определены и обязанности лиц, «вовлеченных» в производство по уголовным делам, однако в УПК РФ нет общих норм, посвященных правосубъектности участников уголовного судопроизводства или хотя бы их дееспособности. А. С. Таран справедливо замечает, что только в одной отрасли – в гражданском праве – институт правосубъектности достаточно разработан [2, с. 87].

В теории права признано, что правосубъектность включает в себя несколько категорий: правоспособность, то есть способность обладания правами и несения обязанностей, и дееспособность, которая понимается как способность «самостоятельно, своими личными осознанными действиями» осуществлять права и обязанности [3, с. 146], приобретать субъективные права и обязанности и прекращать их [1, с. 126]. В содержании правосубъектности многие авторы выделяют еще и деликтоспособность – способность лица нести юридическую ответственность за совершенные правонарушения [3, с. 147]. Разделение правосубъектности в цивилистике на право-, дееспособность и деликтоспособность обусловлено природой гражданских прав: Гражданский кодекс РФ признает субъектами права не только лиц, которые обладают право- и дееспособностью одновременно, но и лиц, которые наделены лишь правоспособностью (малолетние, психически больные).

В УПК РФ нет специальных норм, аналогичных положениям ст. 17, 21, 26–28 Гражданского кодекса РФ, определяющих понятие право- и дееспособности и детально разграничивающих объем дееспособности индивидов – участников процесса в зависимости от возраста. Этот пробел, с одной стороны, привел к практически полному отсутствию научных разработок, посвященных изучению различных аспектов уголовно-процессуальной правосубъектности. С другой стороны, в практической деятельности возникает масса вопросов о возможностях участия тех или иных лиц в судопроизводстве и самостоятельной реализации ими предоставленных законом прав, особенно в случае вовлечения в судопроизводство несовершеннолетних. Например, может ли быть заявителем о преступлении несовершеннолетний, если да, то с какого возраста; может ли подавать жалобы, ходатайства, заявлять отводы несовершеннолетний потерпевший (свидетель), и если да, то с какого возраста; какие права несовершеннолетние участники могут реализовывать самостоятельно и т. д.

В рамках данной работы мы проанализируем лишь некоторые проблемы отсутствия детального регулирования процессуальной дееспособности участников уголовного процесса и перспективы их решения.

1. Возникновение дееспособности индивида (физического лица) – полной или частичной – обычно связывается с достижением им определенного возраста. Так, по общему правилу гражданская дееспособность наступает в полном объеме

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства. 2001. № 52, ч. 1, ст. 4921.

по достижении гражданином 18-летнего возраста (п. 1 ст. 21 ГК РФ), частичная дееспособность – с 14 лет (ст. 26 ГК РФ). До этого возраста самостоятельно приобретать и осуществлять гражданские права, создавать и исполнять гражданские обязанности ребенок не может (за рядом исключений, названных в п. 2 и 3 ст. 26 ГК РФ), за него это делают его родители, опекуны.

В производстве по уголовным делам достаточно часто принимают участие несовершеннолетние лица. Индивид, не достигший 18-летнего возраста, может выполнять разные функции: быть участником со стороны обвинения, имея права потерпевшего, выступать со стороны защиты, являясь подозреваемым или обвиняемым, либо относиться к иным участникам уголовно-процессуальных отношений, будучи свидетелем. Заметим, что несовершеннолетние участники наделяются в соответствии с требованиями УПК РФ правами и обязанностями, некоторые из которых исполнить и реализовать могут только они сами (например, право и обязанность давать показания). В УПК РФ всех лиц, которым еще не исполнилось 18 лет, именуют «несовершеннолетними», не разделяя объем прав малолетних и лиц старше 18 лет, однако не любое несовершеннолетнее лицо может приобрести процессуальный статус.

Так, если речь идет о **потерпевшем**, то им может быть любое физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный или моральный вред, **с момента рождения** «независимо от его гражданства, возраста, физического или психического состояния и иных данных о его личности, а также независимо от того, установлены ли все лица, причастные к совершению преступления»².

Подозреваемым и обвиняемым, исходя из положений ст. 20 УК РФ, может стать **лицо, достигшее 16-летнего возраста ко времени совершения преступления** (а в случаях, предусмотренных ч. 2 ст. 20 УК РФ – **14-летнего возраста**). Таким образом, минимальная граница для возникновения уголовно-процессуальной право- и дееспособности обусловлена возрастом уголовной ответственности, который устанавливается уголовным законом.

Регламентируя понятие **свидетеля**, законодатель отказался от определения в уголовно-процессуальном законе нижних (впрочем, как и верхних) границ возраста для этого участника. Согласно ч. 1 ст. 56 УПК РФ свидетелем является лицо, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела, и которое вызвано для дачи показаний. Следовательно, данный статус появляется у индивида с момента получения повестки о вызове на допрос. Однако очевидно, что не любой несовершеннолетний может самостоятельно выполнить основную процессуальную обязанность, ради которой он и привлекается к участию в уголовном деле – дать показания. Отсюда следует вывод, что у следователя, дознавателя, суда, которые вызывают на допрос несовершеннолетнего, должны быть как основания полагать, что этому лицу известны значимые для уголовного дела обстоятельства, так и предположение, что несовершеннолетний способен правильно воспринимать эти обстоятельства и давать о них правильные показания (как минимум, свидетель должен изъясняться на каком-либо языке). Именно последний фактор определяет наличие уголовно-процессуальной дееспособности свидетеля. Отсутствие прямых законодательных запре-

² Абзац 2 п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2010 № 17 (ред. от 16.05.2017) «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» // Российская газета. 2010. № 147. 07 июля.

тов на допрос ребенка, не достигшего определенного возраста, вполне объяснимо: способность воспринимать обстоятельства и давать показания формируется очень индивидуально. В то же время можно разделить сожаления В. Н. Григорьева, А. В. Победкина и В. Н. Яшина о невнесении законодателем в легальную дефиницию свидетеля указания на «невозможность допроса лица в качестве свидетеля, если в силу возраста, состояния здоровья оно не может правильно воспринимать и (или) воспроизводить значимые для уголовного дела обстоятельства» [4, с. 166].

Отметим, что возможно назначение экспертизы для установления психического или физического состояния свидетеля (в том числе несовершеннолетнего), когда возникает сомнение в его способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и давать показания (п. 4 ст. 196 УПК РФ), но только с согласия свидетеля или согласия его законного представителя, которое дается в письменном виде (ч. 4 ст. 195 УПК). Таким образом, закон допускает проверку наличия анализируемой способности, которая влияет на уголовно-процессуальную дееспособность, но принудить свидетеля к проведению такой экспертизы нельзя.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что невозможно создать универсальную, подходящую для всех участников процесса норму, которая бы определяла момент возникновения дееспособности индивида (физического лица) в уголовном судопроизводстве.

2. Еще один вопрос, который требует законодательного решения – это определение возраста возникновения полной процессуальной дееспособности. Например, одни ученые считают, что у *потерпевших* она появляется с 16 лет [5, с. 63], другие – с 18 лет [1, с. 126; 6, с. 17, 30]. А с какого возраста ей обладает обвиняемый (подозреваемый), свидетель? На наш взгляд, именно совершеннолетие знаменует собой появление полной самостоятельности в осуществлении процессуальных прав и реализации обязанностей. Попытаемся это доказать.

Учитывая социальные, физиологические, психологические и эмоциональные особенности несовершеннолетних лиц, которые не позволяют им единолично полноценно реализовывать свои права и защищать интересы в уголовном процессе, в УПК РФ предусмотрены дополнительные гарантии для таких участников уголовного судопроизводства (независимо от их процессуального статуса). Так, закон требует обязательно привлекать законных представителей подозреваемых, обвиняемых, потерпевших к участию в уголовном деле (ч. 2 ст. 45, ст. 48 УПК РФ), а также устанавливает право законных представителей потерпевших, свидетелей присутствовать при производстве допроса, очной ставки, опознания с участием несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля (ч. 1 ст. 191 УПК РФ).

О некоторой «неполноценности» в уголовном процессе лиц, которым не исполнилось 18 лет, свидетельствует ряд правил производства процессуальных действий:

- запрет на привлечение несовершеннолетних в качестве понятых при производстве следственных действий (п. 1 ч. 2 ст. 60 УПК РФ);
- положение о производстве обыска с участием лица, в помещении которого производится обыск, либо *совершеннолетних* членов его семьи (ч. 11 ст. 182 УПК РФ);
- требование о вручении повестки в случае временного отсутствия лица, вызываемого на допрос, *совершеннолетнему* члену его семьи (ч. 2 ст. 188 УПК РФ).

Приведем еще аргументы, подтверждающие ошибочность признания за лицами, достигшими 16-летнего возраста, полной процессуальной дееспособности. Согласно ч. 3 ст. 45 УПК РФ законные представители потерпевшего, гражданского истца и частного обвинителя имеют те же процессуальные права, что и представляемые ими лица. Это правило влияет на принятие решений в уголовном процессе. Так, если несовершеннолетний потерпевший примирился с обвиняемым и попросил следователя или суд прекратить производство по уголовному делу, но его законный представитель с такой позицией не согласен, уголовное дело не может быть прекращено³. По аналогии: для проведения судебного разбирательства в особом порядке необходимо получить не только согласие потерпевшего (п. 3 ч. 2 ст. 314 УПК РФ), но и его законного представителя. Следовательно, одних только осознанных действий лица, достигшего 16-летнего возраста (согласия, примирения), недостаточно для наступления юридических последствий.

Кроме того, Верховный Суд РФ в своих разъяснениях указал, что жалобы законных представителей несовершеннолетних в суде апелляционной инстанции подлежат рассмотрению независимо от позиции, занимаемой по делу несовершеннолетним⁴. Таким образом, законный представитель не связан позицией представляемого, а несовершеннолетний обвиняемый (потерпевший) не может самостоятельно отозвать поданную его законным представителем жалобу.

Таким образом, в настоящее время говорить о полной уголовно-процессуальной дееспособности различных участников можно только по достижении ими 18-летнего возраста. Полагаем, целесообразнее всего было бы сформулировать в УПК РФ легальную дефиницию термина «процессуальная дееспособность», а также определить объем дееспособности участников разного возраста, как это сделано в гражданском праве, определив, какие права несовершеннолетний может реализовывать самостоятельно, а какие решения или действия требуют согласия законного представителя.

В научных публикациях можно встретить предложения признавать процессуальную самостоятельность при производстве по уголовным делам эмансипированных лиц и лиц, вступивших в брак до достижения 18 лет, так как во всех остальных вопросах жизни они признаются полностью дееспособными [7, с. 91]. На наш взгляд, внесение таких новелл в закон нуждаются в детальном обсуждении, в том числе с привлечением специалистов в вопросах психологии и социологии, с тем чтобы объективно оценить возможности таких лиц по самостоятельной защите своих интересов, реализации прав и т. п. Более того, предлагаемые изменения закона не должны противоречить различным международно-правовым актам, гарантирующим охрану прав и свобод лиц, не достигших 18-летнего возраста, в частности Конвенции ООН о правах ребенка⁵, Минимальным стандартным правилам ООН, ка-

³ Абзац 2 п. 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 (с изм. и доп.) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Абзац 3 п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (с изм. и доп.) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Российская газета. 2011. № 29, 11 февр.

⁵ Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989 // СПС «КонсультантПлюс».

сящимся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинским правилам)⁶.

В Модельном уголовно-процессуальном кодексе для государств – участников Содружества Независимых Государств⁷ (далее – Модельный УПК стран СНГ), представляющем рекомендательный акт, многие рассмотренные выше вопросы были решены. Прежде всего, в ч. 1 ст. 107 Модельного УПК стран СНГ уголовно-процессуальная дееспособность определялась как «возможность самостоятельно осуществлять права, предусмотренные настоящим Кодексом» и признавалась «за всеми совершеннолетними участниками процесса, кроме недееспособных лиц». Потерпевшего, гражданского истца, подозреваемого, обвиняемого, не достигшего возраста 14 лет, предлагалось считать недееспособными в уголовном судопроизводстве (ч. 2 ст. 107), а потерпевшего, гражданского истца, подозреваемого, обвиняемого в возрасте от 14 до 18 лет – частично дееспособными (ч. 4 ст. 107 Модельного УПК стран СНГ). Возможность частично дееспособных участников процесса самостоятельно осуществлять принадлежащие им права ограничивалась в случаях, предусмотренных данным Кодексом, волеизъявлением их законных представителей. За недееспособного участника принадлежащие ему в соответствии с данным Кодексом права осуществляет его законный представитель (ч. 1 ст. 108).

Справедливости ради скажем, что лишь законодатели Республики Молдова и Азербайджанской Республики воспроизвели в своем национальном законодательстве рекомендации, данные в Модельном УПК⁸, тогда как в уголовном судопроизводстве Киргизии, Узбекистана, Таджикистана, Туркменистана, Беларуси, Казахстана, Украины подобных положений нет.

Заметим, что в современных научных исследованиях российских ученых также предлагается дифференцировать объем уголовно-процессуальной дееспособности: выделять *полную* (с 18-летнего возраста) и *частичную* дееспособность (ей обладают лица, которым исполнилось 14, но не исполнилось 18 лет). Н. В. Солонникова считает, что можно говорить еще об одной разновидности дееспособности – *условной* применительно к свидетелю, потерпевшему, не достигшим возраста 14 лет, которые самостоятельно способны реализовать лишь одно право – дать показания [8, с. 17–18].

Учитывая социальную незрелость несовершеннолетних участников, а также их эмоциональность и психологическую неустойчивость, важно при разработке норм об уголовно-процессуальной дееспособности предусмотреть перечень ситуаций, в которых требуется согласие законного представителя несовершеннолет-

⁶ Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила): приняты 29.11.1985 Резолюцией 40/33 на 96-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // СПС «Консультант Плюс».

⁷ Модельный уголовно-процессуальный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств. Рекомендательный законодательный акт (Принят в г. Санкт-Петербурге 17.02.1996 Постановлением 7-6 на 7-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ) (с изм. и доп.) // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Статьи 75–80 Уголовно-процессуального кодекса Республики Молдова от 14 марта 2003 года № 122-XV (с изм. и доп.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397729&pos=2010;-47#pos=2010;-47 (дата обращения: 22.03.2024); ст. 100–105 Уголовно-процессуального кодекса Азербайджанской Республики от 14 июля 2000 года № 907-IQ (с изм. и доп.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420280&pos=1948;-54#pos=1948;-54 (дата обращения: 22.03.2024).

него участника, обладающего частичной дееспособностью, на производство тех или иных действий, принятие решений. В ст. 108 Модельного кодекса стран СНГ определено, что без согласия законного представителя частично дееспособный участник процесса не может отозвать жалобу на совершение в отношении него запрещенного уголовным законом деяния; примириться с потерпевшим, подозреваемым, обвиняемым; признать предъявленный к нему гражданский иск, отказаться от предъявленного им гражданского иска; отозвать поданную в защиту его интересов жалобу и т. д. (ч. 4 ст. 107 и ч. 4 ст. 108 Модельного УПК).

Думается, данный перечень можно дополнять. Например, в уголовном судопроизводстве ФРГ при применении норм о свидетельском иммунитете действует интересное правило: если несовершеннолетний вследствие недостаточной зрелости, психической болезни, умственной отсталости или слабоумия не осознает содержание права на отказ от дачи показаний, его можно допросить только при готовности такого несовершеннолетнего дать показания и *получении согласия законного представителя*. Если же законный представитель сам является обвиняемым, то он не может принимать решение об осуществлении несовершеннолетним права на отказ от дачи показаний [9, с. 116].

3. При разработке норм об уголовно-процессуальной дееспособности следует устанавливать в УПК РФ запреты выполнять ту или иную процессуальную функцию, получать процессуальный статус ввиду недостижения определенного возраста или признания индивида недееспособным (ограниченно дееспособным) по правилам ст. 29, 30 ГК РФ. В настоящее время в п. 1 ч. 2 ст. 60 УПК РФ прямо закреплено, что несовершеннолетний не может быть привлечен в качестве понятого. Но действующий процессуальный закон не запрещает назначать не достигших 18-летнего возраста лиц в качестве переводчика по уголовному делу (ст. 59 УПК РФ). Логично предположить, что в связи с тем, что следователь, дознаватель, суд обязаны предупреждать переводчика об уголовной ответственности за заведомо неправильный перевод и разглашение данных предварительного расследования (ст. 307 и 310 УПК РФ), нельзя назначить переводчиком лицо младше 16-летнего возраста, т. к. оно не может нести ответственность за указанные деяния. Но оправданно ли привлечение несовершеннолетнего в таком качестве? По мнению некоторых авторов, это нежелательно по ряду причин, начиная с опасений, что может быть причинен вред нормальному психическому и нравственному развитию несовершеннолетнего, который узнает обстоятельства совершенного преступления, и заканчивая сомнениями в обеспечении качественного перевода, в том числе требующего знания и понимания специфической юридической терминологии [10, с. 152].

С нашей точки зрения, целесообразно рассмотреть возможность установления в российском процессуальном законе ограничения для лиц, которым еще не исполнилось 18 лет, выступать в качестве специалиста и переводчика. Хотя предусмотреть исключение из этого правила имеет смысл: например, предусмотреть право следователя, суда в исключительных случаях (или в случаях, не терпящих отлагательства) привлекать для осуществления перевода несовершеннолетних лиц, владеющих языком, но не моложе 16 лет. К числу таких ситуаций можно отнести уникальность языка, срочность проведения процессуальных действий (например, оформление задержания).

Полагаем, следует учитывать признание лица недееспособным или ограниченно дееспособным по правилам ст. 29, 30 ГК РФ при решении вопроса о допуске таких

лиц в качестве представителя потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, законного представителя указанных участников или обвиняемого (подозреваемого), переводчика, специалиста, эксперта, понятого, педагога (психолога). Кстати, согласно ст. 174 УПК Республики Узбекистан лица, признанные в установленном порядке недееспособными или ограниченно дееспособными, не могут привлекаться в качестве эксперта⁹.

4. Наконец, регламентация института процессуальной дееспособности потребует разработки норм о признании лица недееспособным в уголовном судопроизводстве. Так, в ч. 3 ст. 107 Модельного УПК стран СНГ предлагалось выносить такое решение в отношении потерпевшего, гражданского истца, подозреваемого, обвиняемого, гражданского ответчика, если они не способны самостоятельно осуществлять принадлежащие им права и возложенные на них обязанности вследствие психического заболевания, временного болезненного психического расстройства или слабоумия. Данная проблема весьма актуальна и обсуждается психологами и психиатрами, которые признают, что процессуальная дееспособность и вменяемость не являются тождественными и говорят о необходимости создания теоретического обоснования и методического обеспечения экспертной оценки способности самостоятельно защищать свои права и интересы в уголовном процессе, например, подозреваемым (обвиняемым). Имеющиеся критерии экспертной оценки вменяемости для этих целей не подходят [11, с. 13]. Безусловно, признание «процессуально недееспособным» должно быть связано с нарушением психической деятельности, которое не позволяет понимать свое процессуальное положение, значение уголовного судопроизводства, содержание своих прав и обязанностей, реализовывать их и т. п. [11, с. 14]. Правовое основание обязательного проведения экспертизы для определения процессуальной дееспособности подозреваемого (обвиняемого) содержится в п. 3 ст. 196 УПК РФ. Аналогичное основание можно предусмотреть в законе и для потерпевшего.

Рассмотренные в настоящей работе вопросы не отражают всех проблем, касающихся уголовно-процессуальной правосубъектности. Надеемся, что высказанные предложения и суждения инициируют обсуждение аспектов законодательной регламентации института дееспособности в уголовном судопроизводстве, крайне важных не только для теории, но и для практики. При этом очевидно, что означенная конструкция отраслевой правосубъектности должна коррелировать как с общетеоретическими положениями о ней, так и с ее спецификациями в других отраслях российского права, не стремясь к тождеству с ними, но и не противореча им явным образом, так как эмоционально-когнитивные характеристики субъекта права относятся к системным [12–15]. Последнее составляет одну из задач дальнейшего исследования проблематики, заявленной в теме статьи.

Ссылки

1. Татьяна Л. Г. Уголовно-процессуальная дееспособность в структуре личности участника уголовного судопроизводства // Вестник Удмуртского университета. 2005. № 2. С. 124–130. EDN HRTAZV.

⁹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан (утвержден Законом Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 года № 2013-XII (с изм. и доп.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421101 (дата обращения: 22.03.2024).

2. Таран А. С. Уголовно-процессуальная правосубъектность: постановка проблемы // Юридический вестник Самарского университета. 2017. Т. 3, № 2. С. 87-92. EDN ZSNJOZ.
3. Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. М., 1982. Т. 2. 360 с.
4. Григорьев В. Н., Победкин А. В., Яшин В. Н. Уголовный процесс: учебник. М.: ЭКСМО, 2023. 960 с.
5. Корнуков В. М. Конституционные основы положения личности в уголовном судопроизводстве. Саратов, 1987. 179 с.
6. Кокорев Л. Д., Побегайло Г. Д. Потерпевший от преступления в советском уголовном процессе. Воронеж, 1964. 138 с.
7. Марковичева Е. В. Проблемы законного представительства в российском уголовном процессе // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2008. № 9. С. 85–91.
8. Солонникова Н. В. Проблемы процессуальной дееспособности несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве (досудебное производство): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. 32 с.
9. Барабанов П. К. Уголовный процесс ФРГ. М., 2014. 359 с.
10. Ишмухаметов Я. М. Требования, предъявляемые к переводчику в уголовном судопроизводстве // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2006. № 5. С. 150–152
11. Ткаченко А. А., Морозова М. В., Савина О. Ф. Психолого-психиатрические аспекты оценки уголовно-процессуальной дееспособности // Российский психиатрический журнал. 2014. №2. С. 12–17.
12. Тарусина Н. Н., Конева Е. В., Симонова С. В. Правосубъектность ребенка: актуализация возможностей и их ограничения // Правоприменение. 2023. Т. 7, № 1. С. 155–164. DOI 10.52468/2542-1514.2023.7(1).155-164
13. Тарусина Н. Н. Возраст как юридический факт в сфере семьи: соблазны и условность цифры // Lex Russica (Русский закон). 2022. Т. 75, № 10. С. 17–32. DOI 10.17803/1729-5920.2022.191.10.017-032.
14. Иванчин А. В., Кулева Л. О., Наурбиева Ф. Х. Возрастная граница наступления уголовной ответственности: история и современность // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2023. Т. 17, № 1. С. 78–89. DOI 10.18255/1996-5648-2023-1-78-89.
15. Тарусина Н. Н. Ребенок как субъект семейного права: от пассивного до пассионарного восприятия возможного и должного // Демидовский юридический журнал. 2024. Т. 14, № 2. С. 158–171. DOI 10.18255/2306-5648-2024-2-158-171.